

Исаев А. Заметки о немецких колониях в России. Русская мысль. 1894. № 12

Летом 1893 года мне пришлось побывать в Югозападном крае. Из Бердичева я поехал в дилижансе до Житомира и дальше до Новоградволынского. Даже этот недолгий путь—135 верст—позволил сделать некоторые наблюдения, объясняющие, почему немцы, въезжая в Россию, так охотно селятся на югозападных окраинах. В Житомире я слышал от чиновников, что на Волыни число колонистов-немцев достигло 200,000, что карта немецких поселений в Волынской губернии свидетельствует о занятии ими лучших местностей края, что столь большая масса представляет серьезные опасности в военном и государственном отношениях, что в основе этой колонизации лежат политические соображения и проч. Я слышал много именно на эту тему; но довольно проехать по Волыни несколько сот верст, чтобы более просто и естественно объяснить тяготение немцев к этому краю.

Здесь природа не испорчена. Картины, развертывающиеся перед путником, не только не утомляют его, но даже радуют: много леса, много воды, много лугов; неистощенные пашни вознаграждают труд земледельца. Любуясь дубовыми и сосновыми лесами, которые во многих местах тянутся на десятки верст, часто переезжая ручьи, речки и даже реки, я вспоминал безотрадное зрелище, которое на сотни верст провожает путника в черноземных губерниях, вспомнишь её безводье и безлесье. И в то время, как тульский, орловский и воронежский мужик охотно платит 150 рублей за десятину или арендует по 20 рублей на 1 посев, в Волынской губ. десятина земли среднего достоинства стоит 25—30 рублей, и очень хорошая—50—60. В Кремепецком и Владимиро-Волыпском уездах цена поднимается до 100—120 руб., за то в Овручском можно купить хорошую землю по 20—15 руб. Поставим себя на место баварца или баденца, которому удалось добраться до этого благословенного края. На родине десятина земли стоит сотен и даже тысяч рублей; там он чувствует себя счастливым, если неослабая, многолетняя

-88-

бережливость дала ему возможность стать собственником 2 — 3 моргенов. Здесь на такие же сбережения он покупает 10, 15 и 20 десятин с лесом, из своего материала строит двор и, расчистив новину, собирает несколько лет урожай, каких на германских полях, взятых под культуру много веков тому назад, могут быть достигнуты усиленным удобрением и тщательной обработкой.

Немецкие эмигранты—не отрезанный ломоть: они сохраняют на родине многочисленные связи родства и соседства. Если десятку-другому семей хорошо живется где-нибудь в Новоградволынском или Ровенском уездах, то поселенцы подробно описывают землякам свое житье-бытье, расхваливают дешевизну земли, возможность сделать передвижение из Германии в короткое время и за недорогую цену и устроиться на 300—400 рублей, с которыми в Германии немыслимо самостоятельное ведение сельского хозяйства. Земляки читают письма, передают соседям занимательные и важные новости и (не забудем о силе и напряженности современной эмиграции из Западной Европы) многие предпочитают Волынь далекой Америке. Большинство этих людей совершенно равнодушны к строю политической жизни. Если можно дешево приобрести землю, если страна, куда направляются эмигранты, имеет хотя начатки гражданственности, если условия внешней природы благоприятны, то у большинства пропадает охота ехать в далекую Америку. Вот простые, понятные мотивы, которые побуждают немцев толпами направляться в наши югозападные губернии. Встречаясь с колонистами, я не раз заводил речь о том, не имеют ли они в виду германизирование края? Иные вовсе не понимали этого вопроса; другие говорили, что они пришли сюда, чтобы «и себе, и детям был кусок хлеба», а один немецкий колонист, прибывший еще в начале 70-х годов, просто и убедительно высказал то положение, которое я развил выше. «Хорошо жить здесь,—сказал он правильным языком с несомненно русским акцентом,—и леса, и воды, и лугов—всего здесь довольно;

народа немного, шикому не тесно, здесь может поместиться еще много людей, и все будут благодарить Бога».

Новоградволынский уезд образует один из центров немецких колоний. Начинаясь под самым городом, колонии тянутся во все стороны и образуют сплошную сеть вместе с колониями соседних уездов. Одни из них основаны на земле, приобретенной колонистами в собственность, другие же— на арендуемых участках. Мне советовали побывать в подгородной колонии Анете, чтобы судить о результатах, которых, при благоприятных условиях, могут достигнуть поселенцы.

В колонии, насчитывающей теперь около 40 дворов, даже самые древние старики не помнят германского отечества. Колонисты прибыли сюда из Привислянского края в 1818 году, и только отцы первых поселенцев были уроженцами Германии. За морг земли (1,317 кв. саж.) было заплачено по 10 рублей. Тогда же упрочился порядок не делить земли

-89-

между сыновьями, а отдавать весь участок в наследство старшему; для младших же сыновей стали приобретать участки на стороне. В хозяйстве колонистов были возможны сбережения, так как они купили землю дешево, а производительность её была очень велика; и вот, постепенно, посредством покупки земли для младших членов семей, они образовали в Заславльском уезде колонию Дерманку—дочь Анеты.

В Анете, как и других немецких поселениях на Волыни, господствует подворное землевладение чистого типа. Земля каждого двора огорожена более или менее прочным забором. Почти все колонисты ведут пятипольное хозяйство и для того, чтобы не нанимать пастуха, огораживают каждое поле; в паровом пасется скот под присмотром детей и подростков. Пятипольное хозяйство сложилось в такую систему: пшеница, рожь, яровое, клевер с тимофеевской и пар. Здесь применяют мало машин, но довольно высокий уровень культуры выражается в том, что, сидя на низменном месте, колонисты пахут загонами, грядами, что облегчает сток воды в канавки между гряд. Молочное скотоводство стоит на среднем уровне. Первые поселенцы были поставлены относительно улучшения скота в очень благоприятные условия. В соседних помещичьих имениях был скот голландской породы; пользуясь производителями из этих имений, колонисты улучшали свой скот. Он и до сих пор сохранил свой облик, но вырожден, и корова дает в среднем не больше 80 ведер молока,—норма, которую считают очень высокою в большинстве помещичьих хозяйств средней России.

И прогулка вдоль колонии, вытянувшейся в одну очень длинную улицу, и посещение дворов убеждают, что это поселение пользуется завидным благосостоянием. В имущественном отношении колония не представляет чего-либо однородного. Самые богатые домохозяева имеют 40— 50 десятин земли, самые бедные—8—10; преобладают средние, с дворовым наделом в 18—20 десятин. Такое неравенство не есть следствие семейных разделов. И при поселении колонисты имели неравные денежные средства, а потому отдельные домохозяева купили участки различной величины. Правда, неравномерность несколько увеличилась, так как были бездетные семьи и колонистки после смерти мужей продавали свои участки. Благосостояние средних домохозяев сказывается в обширности и отделке жилых домов. Дом стоит не меньше 500 руб., имеет 3 комнаты и кухню, крашеные полы, мягкую мебель, хорошие постели. В одной связи с домом находится конюшня. Такой тип постройки объясняется конокрадством, очень распространенным в этой местности. Колонисты любят лошадей и платят по 150—200 рублей за штуку, и даже малосостоятельный имеет 100-рублевых. На них колонисты возят в город свои продукты, на них же работают, дают им обильный корм, чистят и холят. Боясь конокрадов, они устраивают конюшню при жилом доме, чтобы слышать, говоря словами одного колониста, «как лошадь дышет».

-90-

Кроме полевого хозяйства, доходность которого определяется в 12— 15 рублей с 1 десятины, колонисты имеют небольшие фруктовые сады, пасеки в 20—30 и до 40 ульев и сыроварню, дающую возможность перерабатывать молоко. Многие разводят хмель и занимаются при доме пивоварением частью для себя, а частью на продажу. Количество скота составляет приблизительно 6—7 штук на 10 десятин надела. Трудно определить доход, доставляемый хозяйством. Сведения, которые сообщали мне о том многие колонисты, позволяют заключить, что десятипятидесятинный дворовый надел даст от продуктов полеводства, садоводства и пасеки не менее 250—300 рублей в год. Другия немецкия

колонии, основанные близь Новоградволынска на собственной земле, подходят к типу, который представляет Анета.

Очень интересны колонии, устроенные на арендуемой земле. Таковы близь Новоградволынска колонии Натальевка, Елизавета, Фризовка и некоторые другие. Дурное хозяйство арендаторов сравнительно с хозяйством поселян-собственников вошло в поговорку.

Но здесь условия чиншевого договора таковы, что колонисты крепко сидят па земле, чувствуют прочность своего положения и с большою энергией улучшают хозяйство. Колонисты этих поселений платят помещику Уварову за морг по 75 коп. в год. Чиншевый договор заключен на 24 года,—относительно платежа чинша все домохозяева связаны круговою порукой. Вспоминая жалобы, которые часто слышишь в русских Деревнях по поводу тягости круговой поруки, я спрашивал колонистов, не причиняет ли она им неудобства, и получал ответ, что она не обременяет их. «Было бы трудно, если бы был дорогой чинш, а так как чинш наш не велик, то нам и можно отвечать круговою порукой. У всякого из нас, даже у беднейшего, найдется столько, чтобы каждый год заплатить помещику по 75 копеек за морг». 24-х летний срок арендного договора представляет уже столь продолжительный период, что упрочивает положение арендатора. Но сюда присоединяются и некоторые другие условия, выгодные для колопистов. Такова обязанность помещика, если он по истечении срока удалит колонистов с своей земли, вознаградит их за сделанные издержки. За каждое фруктовое дерево, посаженное колонистом, помещик обязуется уплатить 5 рублей. Это облегчило развитие садоводства и многие колонисты имеют сады до ¼ десятины с нежными сортами яблок и груш. Арендаторы более крупных участков выкапывают даже пруды для рыбы, не жалея затратить на это несколько десятков рублей.

И здесь состоятельность отдельных дворов не одна и та же: домохозяева владеют от 13 до 45 моргов, но и самые мелкие поселяне далеки от нищеты. Благосостояние так значительно, что в колонии Натальевке в 1892—93 году строилось 9 жилых домов. Всех дворов 36, а потому четвертая часть домохозяек устраивали новые жилища. Когда я посетил эту колонию, дома еще не были достроены. Видя такое строительство

-91-

и зная, что, кроме деревянного материала, жилой дом стоит 300—500 руб., я спрашивал, почему столь многие колонисты приступили к постройке домов. Они объяснили мне, что старые дома еще пригодны для жительства, что можно было бы жить в них, по крайней мере, лет 10, но что немцы любят в своем жилье не только благоустройство, но даже известный комфорт. В 1892 году был хороший урожай, многие домохозяева выручили за пшеницу порядочные деньги и решили устроить новую усадьбу. На старые же дома всегда есть покупатели: таковы русские крестьяне, которые охотно покупают у колонистов дома на снос и живут в них еще 15—20 лет и больше. И колонисты Натальевки говорили мне, что даже очень зажиточные из русских крестьян охотно покупают у колонистов дома, в которых хозяева уже чувствуют себя неуютно и неудобно. В этой и других колониях широко распространены помочи, тесно связанные с русскою общиной. Они всего чаще применяются к вывозке лесных материалов из леса для постройки домов.

Немецкие колонии растянулись густою сетью и около города Ровно. В Ровенском уезде есть большое местечко Тучин (до 4,000 жителей), бывшее имение гр. Валевскаго. При Тучине устроились несколько десятков колоний—Амелин, Чеславин, Ядин и другие. Жители некоторых колоний пришли сюда из бывшего Царства Польскаго 40—50 лет тому назад и поселились на владельческой земле. Арендные договоры с помещиком заключаются на сроки до 36 лет, и чинш, в зависимости от качества почвы, составляет 30—75 коп. за морг. Колонисты считают чипш очень низким и говорят, что плата и в 1 ½ рубля за морг не была бы обременительна. Но в контрактах не оговорена обязанность владельца вознаграждать арендатора за все улучшения хозяйства. Именно этим объясняют неохоту колонистов садить фруктовые деревья, слабое развитие садоводства. Земля здесь менее плодородна, чемъ в окрестностях Новоградволынска, урожаи значительго ниже (средние урожаи ржи доходят только до самъ 8) и колонисты живут вообще хуже, чем в Анете, Жозефине и других выше названных колониях.

Колонисты производят впечатление людей трудолюбивых, смысленных, охотно делающих в хозяйстве улучшения, которые подкупают своею практичностью. Из машинъ здесь применяются, главным образом, ручные молотилки. Но ручной труд прилагается к земле с тем старанием и умением, которые достойны величайшей похвалы. Поля, отлично боронуемые, свободны от сорных

трав. Садики с 30—50—70 фруктовыми деревьями не оставляют ничего желать относительно заботливости, которая окружает каждое дерево: сучья правильно подрезаны, каждая трещина замазана, сорные травы выполоты, деревья имеют свежий здоровый вид и отличаются урожайностью. Замечу, наконец, что колонисты тщательно берегут силы почвы, старательно удобряют землю и не расширяют пашен на счет лугов.

-92-

Но ошибется тот, кто из всего сказанного сделает вывод, что колонисты отличаются значительным умственным развитием, что они тяготеют к школе и просвещению. Я познакомился с учителем колонии Анета. Это очень развитой молодой человек, тотчас же показавший мне школу. Помещение училища светло и довольно просторно. Учитель имеет квартиру и получает 230 рублей жалованья в год, но школа обращает на себя внимание полным отсутствием учебных пособий; нет порядочных картин для наглядного обучения, ни книг для чтения, ни даже порядочных географических карт и глобуса. Сам учитель говорил, что колонисты, вообще, только бережливые, но далекие от скупости, крепко держатся за каждый двугривенный, который приходится истратить на нужды школы. Покупка для детей учебников, и то в возможно ограниченном количестве,—вот все, на что идут колонисты. Школы в других колониях при Новоградволинске большею частью обставлены также очень скудно, а в колониях Ровенского уезда, как я слышал, и судя по тому, что мне пришлось наблюдать, еще менее удовлетворительны. Учитель колонистской школы в Тучине имеет только один морг училищной земли и получает 175 рублей жалованья. В Амелине учитель имеет 10 моргов школьной земли (в благоприятный год она даст до 100 р. дохода) и получает жалованья 87 ½ руб. Помещения этих школ тесны; на каждую приходится от 40 до 50 учеников. Здесь полное отсутствие учебных пособий; о каком-либо намеке на библиотеку не приходится и говорить, так как в иной школе нет ни одной географической карты. Сельские общества для приобретения учебных пособий обыкновенно ассигнуют на школу не более 10 рублей. Я слышал от учителей, что увеличение содержания школы, даже на самую малую сумму, достигается только посредством больших усилий. Припоминаю по этому поводу жалобу учителя одной колонии близ Тучина. Прежде он получал, кроме небольшого денежного жалованья, ежегодно 21 корец ржи, цена которого составляет в Волинской губ. от 3 до 7 рублей. Но года два тому назад сельское общество постановило заменить отсыпную рожь денежным сбором, причем один корец ржи был оценен в 3 руб., по цене наиболее урожайных лет. Теперь, вместо ржи, учитель получает ежегодно 63 руб. и несет большой ущерб, так как обыкновенно покупает рожь дороже 3 рублей за корец. Этот факт говорит, что многие колонисты готовы дать школе и учителю, только тот минимум, без которого нельзя обойтись.

Такое состояние школ облегчает вывод о грамотности колонистов. В колониях близ Новоградволинска грамотность сравнительно довольно развита, так что каждый член колонистского общества удовлетворяет требованию протестантской церкви—является на конфирмацию грамотным. В Ровенском же уезде, как мне передавали некоторые учителя, население малограмотно; многие почти вовсе не пишут ни по-русски, ни по-немецки, есть не мало и таких, которые едва читают по складам. Вышедший из школы, большинство вовсе не имеет случая писать и в немного

-93-

лет совсем утрачивают эту привычку. Многие не имеют случая упражняться в чтении. Только в церкви следят по молитвеннику за богослужением и тем кое-как поддерживают в себе навык к чтению.

Каковы же умственные интересы колонистов? Что читают они?—спрашивал я учителей и получал отрицательные ответы. Умственные интересы, выходящие за пределы хозяйства, как мне говорили, очень слабы. Любознательность вовсе не развита. Некоторые колонисты получают газету Свет, другого материала для чтения почти не имеют; немецких газет не получают. Я был заинтересован вопросом о том, насколько Волинские немцы владеют русским языком. Личные наблюдения в разных колониях привели к выводу, что колонисты достаточно знакомы с русским языком. Припоминаю только два случая, когда я был вынужден объясняться по-немецки. Один раз на мой вопрос по-русски мне не могла ответить колонистка лет за 60; другой раз мой вопрос не был понят мальчиком лет 12. Старуха эта живет в России уже давно, а мальчик, как оказалось, принадлежит к семье, которая только недавно въехала в Россию. Кроме этих двух случаев, я всегда говорил

порусски, и колонисты, с которыми приходилось беседовать, поддерживали разговор. Многие говорят по-русски с сильным польским акцентом, это — выходцы или дети выходцев из привислянских губерний. Другие говорят довольно правильным русским языком; таковы, по преимуществу, колонисты, живавшие в больших городах. Наконец, большинство говорит по-русски очень близко к наречию местного населения.

Мне не удалось подметить какую-либо враждебную ноту относительно русского населения. «В русских деревнях народ беден; да как ему бедным и не быть,—говорил мне один колонист,—если у него всего 5, а то и 4 десятины земли на двор?» Даже беглое сравнение колоний с русскими деревнями заставляет сделать вывод, насколько первыя поставлены более благоприятно, нежели вторые. Вспоминаю деревню Филипповичи, находящуюся вблизи колонии Анеты. Я зашел в избу старосты, сравнительно довольно чистую и просторную, но настолько убогую, что сам хозяин ценит ее только в 70 рублей, тогда как плохонький дом колониста стоит около 300 рублей. Но этот имеет около 12 десятин на двор, а многие имеют только по 3 и даже 1 ½ десятины.

На мой вопрос, не имеют ли русские мужики каких-нибудь неприятностей со стороны соседних колонистов, крестьяне отвечали, что немцы—хорошие люди, что от них нет никакой обиды.

Не следует усматривать враждебное отношение немцев к русским в том факте, что колонисты, нанимая работников, платят немцу по 60 рублей, а русскому только по 35 — 40. Это объясняется чисто-экономическими причинами: малоземельные и безземельные русские крестьяне ищут работы и охотно нанимаются за самую дешевую плату. Приходилось слышать неоднократно и от местных русских людей, что тамошние крестьяне—плохие работники, что колонисты более трудолюбивы и выносливы.

-94-

Значительную часть этой разницы можно приписать тому, что немцы питаются гораздо лучше, чем русские крестьяне. Таким образом, изобилие русских работников и небольшое число колонистов, готовых работать по найму, а также лучшее качество труда, доставляемое последними, ведут к большому различию в заработной плате.

Есть один пункт, по поводу которого колонисты нередко жалуются на своих русских соседей,—порубки в колонистских лесах. Многие имеют в составе владения 3—4 десятины леса, которым и пользуются очень бережно. По ночам часто совершаются порубки или же с деревьев обдирается береста и лыки. Эти случаи почти никогда не доходят до суда, которого вообще колонисты избегают. Или виновных не отыскивают, или же, когда случаи учащаются, колонисты стерегут по ночам свои лесные участки и, поймав виновного на месте преступления, производят кулачную расправу. Необыкновенная чуткость к праву собственности—вот факт, который можно наблюдать в колониях почти повсеместно. Эта чуткость выражается, между прочим, в следующем: если скотина колониста перепрыгнет через изгородь, иногда невысокую или ветхую, на землю соседа и произведет даже самую малую потраву, то, хотя сосед охотно извиняет в виду незначительности причиненного ущерба, хозяин скотины, которая произвела потраву, строго наказывает детей, не доглядевших за скотом.

II.

Пребывание в Екатеринославе дало мне случай ознакомиться с некоторыми немецкими колониями этого края. Вблизи губернского города лежат четыре колонии: Иозсфсталь, Кронсгартен, Рыбальск, Биллерсфельд. Первые три основаны еще в конце прошлого столетия, а четвертая основана около 1860 года выходцами из Иозефсталя и Рыбальска. Колонисты этих селений получили землю в надел на общих льготных основаниях, которые были установлены для колонистов. В Кронсгартене, который имеет теперь 15 дворов, колонисты получили по 65 десятин, а в остальных трех—по 32 ½. Позднее колонисты увеличили свой надел прикупною землею от соседних помещиков—в Кронсгартене на 21 десятину, а в Биллерсфельде — на 19. В Иозефстале, Рыбальске и Биллерсфельде отцы стараются передавать землю нераздельно одному сыну, а для остальных приобретают участки на стороне. Для выполнения этого плана колонисты сберегают деньги и затрачивают их на покупку для выделяемых сыновей земли и инвентаря. Если сбережения отца недостаточны для покупки земли, то выделяемые сыновья арендуют участки по 20—30 десятин на 9—12 лет, обстраивают их, обзаводятся скотом и орудиями с помощью средств, полученных из дома. Некоторые выходцы из этих колоний образовали самостоятельные поселения близ станции Синельниково, лозово-севастопольской дороги.

купленную землю. Но колонистам не чужда не только идея общинного землевладения, но и сознание выгод, которое оно доставляет. Ямбург образует особую волость. Лет 10—12 тому назад на волостных сходах этой колонии происходили бурные сцены. Безземельные и малоземельные, негодуя против состоятельных колонистов, сосредоточивших по 2—3 надела, кричали, что общинное землевладение, сохранившееся в русских деревнях, частые переделы земли — есть единственно правильный порядок, обеспечивающий выгоды всего паслелпия. Конечно, это негодование не могло иметь практических последствий. Отметим также колонию Этенфельд, Новомосковского уезда. Она была устроена в 1874 году, когда колонисты купили землю в количестве 50 дес. на двор. В 1890 году было прикуплено по 8 дес. на двор. Так как эти прикупки увеличили черезполосность и сделали необходимыми некоторые изменения в полеводстве, обращение части полей в выгоны, а часть выгона под пашни, то и был произведен в 1892 г. передел; при его совершении был постановлен приговор — не делить земли в течение ближайших 10 лет.

Далеко не все екатеринославские колонисты имеют возможность устроиться на собственной земле. Но и здесь арендование поставлено иногда в такие благоприятные условия, что арендаторы могут улучшить свой хозяйственный быт. Сошлюсь на колонию Елизаветовку, Павлоградского уезда, имеющую 23 полных хозяев и 27 дворов с наделом по 60 десятин. Эта колония основана на земле, арендуемой у графини Воронцовой-Дашковой. Исполнение договора со стороны колонистов обеспечено круговой порукой. Договор был заключен в 1883 году и арендная плата определена по 3 руб. за десятину. Колонисты обязались, если бы договор, заключенный первоначально на 6 лет, не был возобновлен владелицей, снести свои постройки и сдать землю в таком виде, чтобы не было препятствий для пахоты. На месте должно было остаться только училище. В 1889 году, когда истек срок договора, он был продлен на 1 год, а в 1890 году он был снова заключен на 6 лет с платою по 3 р. 25 к. за десятину. В Елизаветовке дома и другие постройки несколько хуже, нежели в колониях, устроенных на собственной земле, однако, они вполне удовлетворительны. Колонисты, выходцы из Иозефсталя, устраивались с большими усилиями. Большинство имело только по фуре и паре лошадей. Но под круговую поруку им удалось достать денег займы у богатых колонистов. Уверенность колонистов, что они устраиваются не на 6 лет и что, по истечении срока арендного договора, они не будут поставлены в затруднительное положение, можно объяснить двумя обстоятельствами: 1) доверием к помещице, убеждением, что она не потребует от арендаторов исполнения столь тягостных условий, и 2) умеренною высотой арендной платы; зная, что в окрестностях за арендование такой земли платят по 5 руб. с десятины, основатели Елизаветовки решили, что плата не будет чрезмерно высока, если даже владелица поднимет ее на 1—2 рубля по истечении срока договора.

В полях возделывается пшеница (преимущественно яровая), рожь, ячмень, овес, картофель, кукуруза. Пшеница образует центральную точку всего хозяйства, — она поступает на рынок; остальные хлеба употребляются, главным образом, дома. Господство черезполосицы побуждает в некоторых колониях (наприм., Биллерсфельде) постановлять приговоры, что должно сеять в каждом клипу: в таком-то поле пшеницу, в таком-то ячмень и проч. К этому вынуждены именно в тех колониях, которые имеют мало выгонов. Так как озимей почти не сеют, то в колониях, имеющих обширные выгоны, в культуре хлебов допускается значительное разнообразие: нет надобности пускать скот на толоку и разница во времени созревания хлебов не причиняет неудобств. Земля вообще не отдыхает и черного пара нет. Но многие поговаривают о необходимости завести его. Средний урожай пшеницы и ржи определяется для колоний в сам 3 ½ до 4; местами, например, в колонии Мариенсфельд, почва отличается таким плодородием, что средние урожаи доходят до сам 5. Не удобряя земли, колонисты пахут иногда лишний раз, чтобы поддержать плодородие почв.: неодновременность появления жучка на ржи, пшенице и ячмене затрудняло бы сбивание его канатами, если бы в клину были посеяны разные хлеба. Поэтому держатся преимущественно какого-либо одного. Навозное удобрение применяется мало. Это зависит, главным образом, от того, что у каждого хозяина не меньше 1/3 навоза идет на отопление в виде кизяка, и полпонадельные имеют возможность хорошо удобрить только 1—1 ¾ десятины в год. Почва, однако, так благодарна, что удобрение в количестве 3,600 п. на десятину дает о себе знать и чрез 10 лет. Колонистам, за

редкими исключениями, незнакомо не только искусственное удобрение, но даже удобрительные свойства золы: она вываливается в ближайшие речки и пруды. Эйгенфельд отличается от больших здешних колоний; в нем усердно пользуются навозным удобрением и находят это очень полезным. Жители Эйгенфельда объясняют это большим количеством соломы, получаемой от обширных посевов. Пока они устраивались, посевы были не велики и нужно было употреблять на топливо почти весь навоз. Небольшие остатки, которые вывозились в поля, давали такое повышение урожайности, что они стали очень усердно удобрять землю. Близость Екатеринослава, отдаленного от многих колоний только на 15—20 верст, делает выгодным запятое огородничеством; возделывание огурцов и капусты доставляет некоторым колонистам хорошие деньги. Садоводство развито очень мало. Местами есть вишневые сады, дающие выручку по 80—120 рублей в год. Вишни живут недолго— 5, 6, много 10 лет. Других плодовых деревьев почти

-98-

нет; яблоки и груши, по общим отзывам, отличаются недолговечностью, живут не более 5—6 лет. Есть полное основание приписать недолговечность фруктовых деревьев не столько почве, сколько неудовлетворительному уходу, отсутствию поливки. Вопреки господствующему предразсудку, что здесь плохо растут все фруктовые деревья, кроме вишен, два колониста завели отличные сады с нежными сортами яблок, груш, даже с абрикосами. Деревья растут очень успешно. Некоторые крупные колонисты имеют виноградники, но добывают вино только для домашнего употребления. Из ближайших к Екатеринославу селений сельское хозяйство идет всего хуже в Ямбурге. Земля вовсе не удобряется. Учитель передавал мне, что он пробовал класть на поле навоз и что это заметно увеличивает урожай; однако, его пример не нашел последователей.

Каждый полпонадельный колонист держит одного годового работника и одну годовую работницу. Двух и трех-надельные колонисты имеют по 4—6 годовых рабочих обоего пола. Годовые работники получают на хозяйских харчах по 80—90 р., а работницы по 60—65 р. Берут работников преимущественно из русских. Работники из беднейших колонистов, малоземельных и безземельных, по характеристике местных же пемцев, работают хуже, чем русские. Проникнутые убеждением, что их деды, а иногда и отцы, пользовались не меньшим достатком, нежели их нынешние хозяева, они относятся к последним с завистью и работают небрежно. Немцы бедняки предпочитают наниматься на работу в помещичьи хозяйства, а не к колонистам. Русские работники, по отзывам колонистов, трудятся согласно с договором, обыкновенно проявляют трудолюбие в одной и той же степени. Я предлагал многим колонистам вопросы о качестве работы и трезвости русских и немцев. Большею частью приходилось слышать, что относительно этих обоих пунктов нельзя отдать предпочтения ни русским, ни немцам. Относительно трезвости русских рабочих многие сделали такое наблюдение: рабочие из южных губерний, вообще, достаточно трезвы, а приходящие из северных черноземных губерний нередко отличаются склонностью к пьянству. Поденные рабочие, нанимаемые при уборке сена и хлеба по 80 к. и 1 ½ рубля в день на хозяйских харчах, обыкновенно легко выкашивают по ½ десятины травы или 1 десятине хлебов в день, а хорошие выкашивают ¾ десятины луга. Колонисты говорят, что рабочие, приходящие с севера, нарушают договор, бросают работу и уходят, если их дурно кормят. Раз же кормят их хорошо, то не бывает случаев ухода. У колонистов поденные рабочие получают такие же харчи, какие едят хозяева. В прошлом году в колониях Екатеринославской губернии среди поденных рабочих появились немцы-колонисты из Самарской губернии. Их пригнали сюда голодные годы. Владея землею на общинном начале, многие из самарских колонистов решили, что, после упадка хозяйства, происшедшего за

-99-

неурожайные годы, нельзя будет поправиться на 8-ми десятинном душевом наделе, сдали свои наделы более зажиточным хозяевам, а сами двинулись на заработки в Екатеринославскую и Херсонскую губернии. Их берут на работу менее охотно, чем хохлов, так как они, по отзывам екатеринославских колонистов, уступают в силе и выносливости и последним, и хохлам.

С конца 70-х годов машины получили большое распространение во всем этом районе. Все полпонадельные хозяева имеют ручные или конные молотилки; немногие имеют жнейки, продающиеся здесь по 150—200 р., более мелкие колонисты молотят катками и убирают хлеб ручным способом. Уборка лугов производится во всех хозяйствах косами. Наиболее распространены машины в Эйгенфельде, Мариенфельде и других колониях, возникших за последнее время. Плуги почти

повсюду заменены букэрами, что увеличивает успешность труда в 3 раза: при 4 хороших лошадях букэром выпашивают 3 десятны, тогда как плугом—только одну. Хозяева, имеющие до 40 десятин посева, считают безусловно необходимым иметь букэр, жатвенную машину и молотилку. В маленькой колонии Эйгенфельд есть два склада машин, и оба торгуют очень хорошо и почти исключительно машинами русского производства. В колониях же и чинят машины.

Среди малоземельных колонистов многие вовсе не занимаются сельским хозяйством. В Рыбальске таких насчитывается 28 с наделом по 4 $\frac{3}{4}$ десятины на 1 двор. Эти 28 участков сдаются в аренду другим колонистам по 3—4 р. за дес. Иногда малоземельные арендуют 7 таких участков, образующих целую клетку или полный надел. Нередко владелец мелкого участка, не имея на нем дома, выговаривает себе право, при сдаче в аренду, занять кусок своего участка домом или огородом, если то понадобится. Большинство малоземельных или посвящают себя ремеслам, или снимают в аренду значительные участки помещичьей земли и устраиваются на них или же идут в батраки.

Колонии Екатеринославской губернии, виденные мною, также производят впечатление благосостояния. Правда, это относится только к хозяевам, владеющим полным наделом или, по крайней мере, половинными. Но не мало и бедняков. Полпонадельные колонисты имеют деревянные, обмазанные глиной дома из 4—5 комнат, кроме передней и кухни. Тщательно выкрашенные, часто крытые железом и обсаженные вишнями и акациями, дома имеют приветливый и нарядный вид. Дом колониста обыкновенно стоит 700—800 р. Некоторые устраиваются не только зажиточно, но, с точки зрения потребностей крестьянской семьи, даже богато. Я вспоминаю колониста в Мариенсфельде, имеющего полный надел (48 десятин). Его дом, надворные постройки и все движимое имущество, включая каждый стул, простыню и фартук, застрахованы в 5,043 рубля. Многие бедные, почти безземельные колонисты имеют дома о 3 комнатах

-100-

с кухнею, ценою в 350—400 р. Впрочем, в колониях не всегда следует делать вывод о зажиточности семьи по внешнему виду дома. Состоятельные колонисты нередко продают на снос очень хорошие деревянные дома, обыкновенно малоземельным соседям, а себе строят каменные с затратою 1 $\frac{1}{2}$ — 2 т. р. «Завелись деньги и захотелось жить лучше»,—говорят они в объяснение своей прихоти. Малоимущие немцы также напрягают все силы, чтобы иметь довольно просторное и благообразное жилище. Конечно, колонисты этой группы питаются очень хорошо; они усердно откармливают свиней для домашнего обихода и, вообще, потребляют большое количество мясной пищи. Сами колонисты вычисляют, что достаточная семья из 6 душ, при работнике и работнице, потребляет ежегодно, кроме говядины и баранины, 35—40 п. свиного мяса в разных видах. Молоко, масло, сыр—также обычные предметы потребления таких семей. Не таков удел малоземельных. В Ямбурге, например, уровень благосостояния очень низок. Последние три года был хороший урожай и колония несколько поправилась, а раньше в течение 6 лет градобитие и неурожай так разорили, что колонисты вошли в большие долги; этой участи не избегли даже более зажиточные полпонадельные хозяева. Некоторое улучшение быта, совершившееся за последние годы, конечно, не делает бедных состоятельными: в Ямбурге во многих домах ютятся по 2—3 семьи. Отметим такой любопытный факт. В Ямбурге очень распространено производство фургонов, которые имеют сбыт по всему югу России; этим промыслом занимается большая часть дворов. Во 2-й половине 80-х годов фургонный промысел Ямбурга был в таком стесненном положении, что заработок фургонщика не превышал 2 р. в неделю. До того времени бывали благоприятные года и последние годы промысел дает хороший доход; однако, имея от этого промысла даже хороший заработок, ябургские колонисты не достигают благосостояния: по общим наблюдениям, его дает только земля. Учитель рыбальской школы сообщил мне, что 1/5, хозяев этой колонии находится в неоплатных долгах, размеры которых превышают половину стоимости всего имущества. Есть колонисты, у которых долги превышают стоимость имущества. Такое задолжание развилось в первой половине 80-х годов, которые были неурожайным временем. Эти факты выдают наличность довольно значительной нужды и в колониях; однако, положение беднейших колонистов гораздо лучше, чем положение миллионов крестьян в наших губерниях, особенно после неурожая 1891—2 гг. Припомним, что в Самарской губ. долги превышают половину стоимости крестьянского имущества. И кредит поставлен в колониях гораздо лучше, нежели в русских деревнях. Я ни от кого не слыхал о чудовищных процентах, которые обыкновенно русский крестьянин платит ростовщикам. Кроме общинных капиталов, которые служат во многих колониях источниками для выдачи ссуд, кредит открывают и

частные лица. Богатые меннониты довольно умеренны в своих требованиях относительно должников: они дают займы из 10 не больше чем из 12% годовых. У евреев займы стоят до 24% годовых. Хозяйственные выгоды обеспечиваются также правильной организацией страхового дела. Центром страхования служит для колонистов колония Пришиб в Таврической губ. У колонистов упрочилась привычка страховать от огня не только здания, но скот и все имущество, и, обыкновенно, в полной её стоимости. Страхование взаимно. Целесообразная распланировка колоний ведет к тому, что пожары очень редки. Улицы, по расстоянию между заборами, имеют 18 саж. ширины, а дом отстоит от забора на 5 саж. Таким образом, расстояние между жилыми домами равно 28 саженам. Все это делает пожары очень редкими явлениями и ежегодные платежи колонистов составляют только 0,1—0 25% страховой суммы.

Каждая, сколько-нибудь значительная, колония Екатеринославской губ. имеет школу. Есть училища даже во многих мелких колониях. Иозефсталь, Кронсгартен, Рыбальск и Биллерсфельд имеют очень хорошие училищные помещения и сравнительно щедро оплачивают учителей. Они получают по 350—400 руб. в год, имеют по 3 десят. пахотной земли, которую сдают в аренду, и по 1—1% десят. луга, который выкашивают сами для собственных коров. Квартира учителя состоит из 3—4 комнат. Сверх того, учителя Иозефсталя, Рыбальска и Биллерсфельда получают по 120—180 руб. в год, так как состоят и сельскими писарями. В Кронсгартене учитель получает 450 руб. в год и не занимает другой должности. Столь щедрая оплата учительского труда возможна потому, что Иозефсталь и Рыбальск имеют особые училищные фонды (в Рыбальске 16,000 руб.), на счет которых и содержится училище, а Кронсгартен и Биллерсфельд отличаются зажиточностью. По признанию самих учителей, уровень образования в колониях очень низок. Все население школьного возраста от 7 до 15 лет значится посещающим школу, но оно посещает ее крайне редко. Возьмем для примера школу в Биллерсфельде. По отчету о состоянии её за 1892 — 93 учебный год видно, что учебный год длится 7 месяцев, с октября по апрель; но и октябрь и апрель дают массовые пропуски уроков, а в течение остальных 5 месяцев 1/3 учеников (всего учится 28 мальчиков и 26 девочек) также пропускают много уроков. Поэтому фактически учебный год сокращается до каких-нибудь 80 учебных дней, и школа научает своих питомцев грамоте только в самом тесном смысле слова: посещая церковь каждое воскресенье, колонисты сохраняют привычку читать молитвенник или хотя следить по ним глазами за пастором. И здесь крайняя бедность в учебных пособиях; местами, паприм., весь запас учебных пособий сводится к одной плохенькой географической карте. Школа в Иозефстале имеет библиотеку—всего около 200 томов, тогда как число учеников превышает 200. В других колониях запас книг

еще меньше, а школа в Биллерсфельде вовсе не имеет библиотеки, хотя эта колония принадлежит к наиболее зажиточным. Въ отчете о Биллерсфельдской школе значится, что ни один из ее питомцев не получил льготы 3 или хотя бы 4 разряда по воинской повинности. Обязательное посещение школ в течение 7 лет, даже при кратком учебном годе, обеспечивает обучение грамоте всего населения колонии. Так как колонисты не требуют от школы большего, то и кажется, будто школа выполнила свое назначение. Присматриваясь к делу ближе, скажешь, что эти школы не могут удовлетворить и тех, которые хотят получить только минимум. Есть примеры, что молодые люди, посещавшие школу 6 — 7 лет, уже к 20 годам разучиваются писать. Отбывая воинскую повинность, они так царапают письма родителям, что последние разбирают их с большим трудом.

Почти все учителя, с которыми я беседовал, производят впечатление людей развитых. Они более обеспечены, нежели учителя виденных мною волынских колоний, и более интеллигентны. Они владеют русским языком хорошо, а некоторые даже очень хорошо. К чести их сказать, они не только не скрывают недостатков колонистских школ, но сами отмечают их и желают их устранения. По отзыву самих учителей, колонистские школы стоят неизмеримо ниже земских. Краткий учебный год, часто не превышающий 4 ½ месяцев, является самым крупным недостатком. Учителя и наиболее разумные колонисты объясняют, почему ни родители, ни преподаватели незаинтересованы в удлинении учебного года. Нередко сеют пшеницу 15 и даже 10 февраля. Уже в это время родители подумывают, как бы воспользоваться в хозяйстве силой детей, а потому уже с этого времени начинаются частые пропуски уроков, которые достигают в марте таких размеров, что делают его

как бы неучебным месяцем. Учителя, имея при школе порядочные куски земли, которые доставляют немаловажный дополнительный доход, радуются тому, что учебный год краток, и вовсе не стараются продлить его,—они сами охотно занимаются земледельческими работами. Но, отдавая предпочтение земским школам пред колонистскими, учителя и колонисты часто впадают в серьезную ошибку: «земство,—говорят они,—может обязать поселения посылать детей в школу, тогда как колонистам никто не может приказывать». Русский язык, как предмет обязательного обучения, введен в этих школах только 3 года тому назад. Учителя ожидают от этого большой пользы, главным образом, потому, что преподавание русского языка будет связано с необходимостью для детей более усердно посещать школу, пропускать меньше уроков, нежели то делается в настоящее время (?).

Высоко ли умственное развитие колонистов? Большая часть немцев, с которыми мне приходилось беседовать, люди толковые, смышленные. Но многие факты доказывают, что колонисты отличаются большою умственной косностью. Это заметно и в хозяйстве. Привыкнув мало удобрять

-103-

землю, которая, при возникновении колоний, отличалась необыкновенным плодородием, колонисты и до сих пор мало удобряют ее, даже огороды и сады, хотя производительность почвы далеко не та, как в доброе старое время и средние урожаи пшеницы не превышают 5—5½ четвертей с десятины. Мне не раз приходилось слышать замечание колонистов, что «земля у них не любит удобрения». Мне рассказывали учителя, что некоторые колонисты, на неоднократные советы удобрять землю, ссылаются на жен или зятьев и говорят, что они не советуют, что они считают удобрение бесполезным для этой земли. Новые растения очень медленно входят в севооборот; за последнее время кормовая кукуруза получила довольно большое распространение. Стойкими привычками объясняется также упорство, с каким возделываются одни и те же растения и с каким колонисты удерживаются от введения черного пара. Один из учителей говорил мне о том, как медленно исполняют колонисты требования администрации, чтобы при школах были заведены плодовые сады. И причиной этого служить вовсе не скупость, мешающая сделать некоторые расходы для устройства плодового сада, а старинная уверенность, что «сад не пойдет, деревья скоро высохнут». С этим как бы не мирится успешное распространение машин в колониях. Его нужно приписать только особенной дороговизне рабочих во второй половине 70-х годов. Выгодность применения машин была так велика и очевидна, что было довольно 2—3 лет, дабы машинный труд получил очень большую популярность и всеобщее распространение.

Любознательность колонистов и привычка к чтению также весьма слабы. Кронсгартен, который заметно выделяется среди колоний, поставлен сравнительно лучше. Учитель выписывает 4—5 русских изданий и дает читать, чем охотно пользуются некоторые молодые колонисты. В остальных колониях любознательность крайне слаба. Учитель Биллерсфельдской школы говорил мне, что он хотел развить в учащихся любовь к чтению и давал им книжки на русском и немецком языках; но в течение многих недель книжки не были разрезаны. Учителя смотрели на меня с изумлением, когда я спрашивал их, есть ли хоть одно семейство, где читали бы что-нибудь в отрывках из Шиллера или Гёте: колонистам эти имена совершенно чужды.

Колонисты трезвы и отличаются строгою семейною жизнью. В особенности следует сказать это о колонии Кронсгартен, имеющей все отличительные свойства меннонитских поселений; известно, как строго относятся меннониты к пьянству, лжи, воровству, прелюбодеянию. Строгость общественного мнения поддерживает нравы на известной высоте. Другие колонии не имеют такого строгого режима. Случаи пьянства редки, однако, в Биллерсфельде упрочился обычай устраивать большую выпивку в разные торжественные дни: по окончании косовицы, уборки хлебов, в большие праздники. В Рыбальске 50 лет тому назад пьянство было очень развито. Старожилы рассказывают, что многие колонисты, перед началом

-104-

уборки хлебов, по 2—3 дня просиживали полупьяные в кабаке и не обращали никакого внимания на увещания жен. Но колония имела неутомимаго общественного деятеля в лице учителя Шрейтеля. Он усердно и убежденно проповедывал трезвость и возстаивал против пьянства. Его проповедь увенчалась успехом: по приговору колонистов, кабаки были закрыты. Мне повсюду приходилось слышать замечания, что исправные хозяева отличаются трезвостью, а малоземельные и безземельные колонисты обнаруживают большую склонность к пьянству. Ямбург выделяется из колоний довольно

большим распространением пьянства. Местный шинкарь сам говорил мне, что в этой колонии пьют много, вообще больше, чем в русских деревнях. И здесь подтверждается мнение, что исправные хозяева реже предаются пьянству, нежели бедные. В последнее время ябургские фургонщики работают хорошо, их доходы значительны и они реже ходят в кабак, нежели 3—4 года тому назад: тогда заработок был ничтожен, промысел едва давал кусок хлеба и последняя копейка относилась в питейный дом.

Следует отметить развитие взаимопомощи, которая выражается в поддержке беднейших жителей колоний и в безпрепятственном установлении круговой поруки, когда нужно получить кредит; в группе, члены которой связывают себя круговой порукой, участвуют не только беднейшие, но и состоятельные. Когда основывались колонии Елизаветовка и Мариенсфельд, то вся группа основателей колонии (среди них были и колонисты с деньгами) занимала деньги под круговую поруку. Это облегчало получение кредита, который был открыт: 1) помещиками, продававшими землю,—они разсрочили значительную часть покупной суммы; 2) достаточными колонистами в Иозефстале и Кронсгартене, которые давали деньги займы из 8 — 10 и не дороже 12%; 3) как об особенно тягостных условиях кредита, колонисты Мариенсфельда припоминают о случае, когда приходилось запясть деньги у одного хохла из 18% годовых. «Мы своих бедных поддерживаем,—говорят колонисты,—круговой порукой, в которой участвуют и богатые. Не участвуй богатые, так бедные не достали бы ни копейки». Далекий от мысли, что состоятельные колонисты относятся особенно нежно и ласково к своим беднейшим соседям, я не могу, однако, не указать на один факт: спрашивая и немцев, и русских о том, есть ли среди колонистов капиталисты, занимающиеся ростовщичеством в его разнообразных формах, я получал отрицательные ответы. Отсутствие ростовщичества может быть отнесено частью к сравнительно высокому благосостоянию колоний,—известно, что этот промысел получает тем большее развитие, чем более велика нужда части населения, отчасти же к чувству солидарности между колонистами.

Беседуя с колонистами об их житье-бытье, я получал впечатление справедливости их показаний. Часто приходилось слышать такое заявление: «Вот, собирал 3—4 года подряд много хлеба, имею два надела, есть

-105-

и деньги и живу хорошо». Иногда зажиточные колонисты прямо говорили мне, что «у них» 2,000 — 3,000 рублей запасных и что, имея даже большую семью, они надеются устроить всех членов. Учителя вовсе не отстаивают своих земляков, а прямо называют их отсталыми и «тупицами». Нередко слышалось заявление: «У нас в колонии много пьяниц». Но когда мне передавали о размерах пьянства, то я находил, что оно вовсе не так велико, чтобы говорить «о многих пьяницах».

Я не заметил, чтобы немецкие колонии оказывали большое влияние на русских. Употребление машин—вот та область, в которой несомненно сказалось влияние первых. Немцы стали употреблять машины на 5—6 лет раньше, нежели русские. В настоящее же время и русские крестьяне, имеющие значительные куски земли, пользуются машинами. В общем уровень умственного развития немцев немного выше, чем крестьянского населения. И только меннониты значительно превышают русских крестьян по умственному развитию. Взаимное влияние немцев и русских обнаружилось бы гораздо более резко, если бы обе национальности сближались посредством браков. Однако, браки между немцами и русскими заключаются редко. Мне называли несколько случаев женитьбы колониста на русской и выхода замуж колонистки за русского; однако, эти случаи являются исключениями. Факты редких браков между колонистами и русскими многие немцы объясняли мне следующим образом: «жене и мужу следует быть одной веры». Однако, гораздо чаще колонисты объясняют это тем, что колонии многолюдны, что «каждому жениху можно выбрать невесту из многих девок, а девке жениха из многих хлопцев». Последнее объяснение и раскрывает истинную причину редких смешанных браков. Колонисты образуют значительную массу. Только в трех колониях: Иозефстале, Рыбальске и Биллерсфельде, которые отдалены одна от другой на немного верст, живет до 1,200 душ обоего пола. При такой многочисленной группе колонисты и колонистки, намереваясь вступить в брак, имеют широкое поле для выбора или у себя дома, или хоть в ближайшем соседстве. Не забудем, что и при основании поселений колонисты находились в подобном же положении. В конце прошлого и первых десятилетиях нынешнего века этот край был пустынен; только изредка встречались русские деревни. Поселившись здесь не в одиночку, а десятками семей, колонисты сразу были поставлены в такое положение, что все их потребности должны и могли быть удовлетворены дома. В довольно

многочисленных группах, которыми поселялись первые колонисты, был дание достаточный выбор для заключения браков. Позднее же, когда увеличилось и русское население, колонии настолько развились, что могли образовать замкнутое целое, которое имело внутри своих пределов все, что нужно для дальнейшего роста.

-106-

III.

Посещая колонии, я живо припоминал жалобы, которые сыпались на колонистов за последние годы. Жалобы припоминались особенно часто потому, что екатеринославское дворянство и земство громко сетовали на вред, которым угрожает югу России распространение немецкого землевладения. Екатеринославское губернское земское собрание обсуждало этот вопрос в 1891 г. и екатеринославское дворянство в 1893 г. На дворянском собрании из 104 дворян 77 высказались за то, чтобы ходатайствовать перед правительством о принятии мер, способных остановить дальнейшее сосредоточение земли в руках немцев.

Ходатайство это мотивировано тем, что немецкое землевладение, увеличиваясь безостановочно, достигло в Екатеринославской губернии 550,000 десятин. Помещичьи хозяйства находятся, по мнению автора этого ходатайства, в «правильном экономическом отношении к крестьянскому, как крупная собственность к мелкой, взаимно друг друга восполняя». Немецкая же земля, становясь на место первых, нарушает эту гармонию; они угнетают население и, «не встречая преград в своем расширении, могут привести сельскую жизнь в самое нежелательное состояние». Немцы сами обрабатывают свои земли, как бы они ни были обширны; они не выпускают их из своих рук и крестьянин не имеет возможности в тех местностях, где водворились немцы, не только купить землю, но даже арендовать ее. Таким образом, земля уходит из рук тех, кому она особенно нужна. К этому присоединяется уверение многих екатеринославских сельских хозяев, что колонисты вовсе не способствуют серьезным земледельческим улучшениям.

«Оппоненты наши, соблазняясь видом внешнего благоустройства колоний, придают, обыкновенно, чрезмерное значение немецкой культуре, полагая, что это есть образец прогресса для нашего мужика, но живущие в губернии хозяева знают, что там, где наши мужики работали плугом, там, под влиянием немецких хозяйств, они его бросили и работают скоропашкой, немецким букарем, разрыхляющим землю на какой-нибудь вершок; под тем же влиянием они стали распахивать землю из края в край, до последнего оврага, до края запруды, не дорожа ни лугом, ни водой, ни кормом; отсюда идет создание благоприятных условий для весенних засух с буранами пыли, отсюда же и эпизоотии по вечному недостатку кормов в губернии. Но если наш народ и сделал, допустим, кое-какие позаимствования, вроде фургона, плохой упряжки и т. д., то какою же ценой покупал он эту культуру? Ценой безпрекословной уступки земель, нужных все увеличивающемуся населению» (статья Екатеринославского помещика в Моск. Вед. 1893 г., № 89).

К чисто-экономическим соображениям присоединяются и политические расчеты. Немцы, по мнению многих екатеринославских дворян,

-107-

люди ненадежные; будучи русскими подданными, они враждебны всему русскому и не могут забыть о своем германском отечестве; они стойко хранят свою народность, обычаи, живут замкнуто. Нет оснований рассчитывать на возможность обрусения колонистов. Они тем более опасны, что колонисты многими условиями своего быта подкупают администрацию. Вот что мы читаем в статье того же автора:

«Привыкнув к строгой дисциплине издававших их приказов и комитетов, оплачивая значительными окладами служебный персонал, отличаясь, поэтому, порядком в общественном управлении, исполнительностью в требованиях, колонии подкупают в свою пользу всякия административные начальства, задача которых была бы облегчена, еслиб и все остальное население обладало теми же качествами; но люди местные знают, что в этом сказывается лишь такт, известная политика населения, лучше петербургской прессы понимающего, что оно не может быть отождествляемо с коренным населением и что только этою политикой, этими условиями, оно может купить и поддержать в чужой стране дарованные ему права и привилегии; к этой же черте относим мы и появившееся на-днях известие о ходатайстве по переименованию колоний в русские наименования. Ведь, несравненно удобнее, если какой-нибудь Нейгохсфельд станет называться Крутогоровкой: это

никому уха резат не будет; людям же мистным кажется странным, когда говорят, что это такие же подданные, как другие, как мы, русские».

К этому присоединяется соображение и о том, что немцы, совращая многих в штупидизм, являются опасными врагами православной церкви.

Выдвигая такие аргументы против немцев-колонистов, екатеринославские дворяне усматривали в своем ходатайстве акт не только политической мудрости, но и самопожертвования. Последнее доказывалось смирностью, с которою они готовы были отнестись к вероятному понижению земельных цен, еслиб успех ходатайства, ограничив права немцев по приобретению земли, уменьшил число покупателей и ослабил спрос на земельные участки.

Где истина в этом ходатайстве и что в немъ ложно?

Екатеринославские дворяне правы, утверждая, что немецкое землевладение захватывает все больший район: в Екатеринославском, Павлоградском, Новомосковском, Александровском уездах немцы владеют 30—15 процентами всей площади земли и каждый год несколько имений переходит в руки немцев. Несомненно также и то, что цены земли повысились за последние годы вье большой пропорции. Так, наприм., при основании колонии Эйгенсфельд, немцы купили землю по 48 рублей за десятину, а в 1891 году было прикуплено еще 300 десятин по 110 рублей. Колонисты Мариенсфельда, Новомосковского уезда, купили в 1882 году 1,000 десятин по 43 рубля за десятину, а в 1892 году купили смежный участок в 2,000 десятин по 132 рубля. Мы не ошибемся, если

-108-

скажем, что в течение последних 15 лет ценность земли увеличилась в 2—2 ½ раза.

Однако, нет основания признавать в покупке земли только немцами условие, которое вредно влияет на крестьянское хозяйство. Крестьянское хозяйство наиболее выигрывает в тех случаях, когда земля дешева и крестьяне могут приобрести ее в собственность. В Сибири и восточных губерниях Европейской России, где крестьяне получают большой надел, они устраиваются и достигают благосостояния, если удастся пережить первые годы без неурожая или другой большой беды, потрясавшей хозяйство. Когда земля дорога и крестьянин не может приобрести ее в собственность, то ему отрезан путь к благосостоянию. Владеет ли землей помещик, связанный с местностью уже несколько поколений, приобрел ли землю русский кулак, немец-капиталист или немецкий колонист,— крестьянин отрезан от земли и может пользоваться ею только как арендатор, за высокую арендную плату. При нападениях на колонистов забывают о том, что наш юг и в частности черноземные губернии были поставлены за последние 10—15 лет в условия, которые должны были поднять покупную цену земли до очень высокого уровня. Проведение железных дорог и начавшаяся разработка минеральных богатств явились именно теми фактами, которые стали привлекать сюда сельских хозяев, промышленников и рабочих из северных черноземных губерний. В Уфимской и Оренбургской губерниях, где эти условия сказались в гораздо более скромных размерах и куда только начинают заглядывать немцы-колонисты, земля за последние 10 лет поднялась на 100—200%. И в Екатеринославской губернии, если бы не было немцев-колонистов, нашлись бы скупщики из русских, подобные тем крупным владельцам в Самарской, Саратовской, Уфимской губерниях, которые имеют десятки тысяч десятин. При бедности крестьян, при неудовлетворительной организации крестьянского земельного банка и малых размерах его оборотов, скупщики различных национальностей и разрядов опередили бы крестьян в покупке этих земель. У этих русских скупщиков местные крестьяне могли бы быть или арендаторами, или рабочими. Как арендаторы, они через немного лет были бы вынуждены платить искусственно высокую арендную плату, вовсе не соответствующую производительности русского сельского труда.

В таком положении находятся крестьяне всей черноземной полосы. Это общеизвестно и не нуждается в доказательствах. Там, где крестьяне столкнулись бы лицом к лицу со скупщиками, самолично ведущими хозяйство, и были бы вынуждены работать по найму, они были бы поставлены хуже, нежели наемные рабочие у немцев-колонистов. Я не раз слышал на месте, что колонисты, относительно расплаты с рабочими, харчей и проч., не только не заслуживают нареканий, но должны быть признаны хозяевами выгодными для сельских рабочих.

Упреки же по их адресу, что, будто бы, они истощают землю и, используя

-109-

ее в одном месте, продают за безценок и передвигаются дальше для такой же хищнической работы, не заслуживают внимания. Кто делает упрек, тот разсуждает так: немец, купив десятину за 100 рублей, может через десяток лет продать ее и по 50, так как усиленное пользование почвой позволяет ему извлечь огромные доходы, далеко превышающие этот недобор. В ответ на все это можно напомнить о жилых домах и хозяйственных постройках, которые воздвигают колонисты: все это строится прочно, капитально, с крупными затратами; все рассчитано на продолжительную связь поселенца с местностью, все рассчитано на желание закрепить эту связь в детях и внуках. Эти сооружения требуют таких расходов, что продажа земли с постройками за безценок, если бы это было частым явлением, в немного лет сделала бы колонистов нищими. Автор отрывка, который мы привели выше, должен был бы припомнить ухудшение внешней природы, обнаружившееся в северных черноземных губерниях, где нет колонистов: там, под влиянием неправильной постановки земледельческого труда, это ухудшение обнаружилось в гораздо более ярких формах, нежели в Екатеринославской губернии.

А обращение русских людей в штундизм? Есть штундисты—немцы, есть штундисты—русские. Разспросы на местах убедили меня, что есть случаи обращения в штунду православных, как со стороны русских, так со стороны немцев. На все эти факты вовсе не имеют значения, которое нередко приписывают им. Если бы в России были только одни сектанты-штундисты и если бы последние возрастали в числе только по соседству с немецкими колониями, то можно было бы установить между этими явлениями постоянную и необходимую связь. Но Россия имеет множество сект и много миллионов сектантов. Последователи разнообразных сект считаются сотнями тысяч и в тех губерниях, где русские поселения вовсе не соприкасаются с однородными элементами, а раз сектанты так многочисленны и штундисты занимают между ними только очень скромное место, то усиление сектанства и, в частности, штундизма нужно приписывать общим условиям народного быта, а не одному факту—числу иностранцев, занимающих данную губернию.

Столь же мало доказательно и обвинение немцев-колонистов во враждебных отношениях к русским и особенных политических тенденциях. Я не упускал случая спрашивать русских крестьян о немцах и получал благоприятные отзывы. Живя особыми замкнутыми группами в силу причин, которые я отметил, они не только не вызывают в окрестном населении враждебного чувства, но заслуживают его доверие.

К фактам избрания колонистов в волостные старшины со стороны крестьян, дошедшим до газет, и я приобщу такой факт: волостным старшиной Хорошевской волости, Павлоградского уезда, избран колонист Ульмер из колонии Клейнфельд; земский начальник был очень доволен

-110-

этим выбором. Если не заметно враждебных отношений между колонистами и окрестным населением, то нет основания говорить о каких-то германофильских политических влечениях. Мои личные наблюдения были не велики. Но, посетив больше 20 колоний, я имел бы случай видеть портреты Бисмарка, Мольтке, Вильгельма I, имел бы случай слышать похвалы по адресу Германии (а я всегда старался навести разговор на этот вопрос), подметил бы наклонность к каким-либо, хотя бы самым наивным, комбинациям относительно политики, относительно возможности войны России с Германией, вероятного ее исхода и проч. Старания сделать хотя бы самые скудные наблюдения в этом роде не привели ни к каким результатам. Со мной охотно говорили о земле, хлебе, урожаях, сбыте, жучке, машинах, возвышении земельных цен,— словом, о всем, что образует преобладающий интерес для этих людей и что, при их невысоком уровне развития, исключает всякие более сложные интересы, поддерживаемые только при большей любознательности, нежели в колониях.

Привыкнув к новому отечеству, эти люди готовы передвигаться дальше по его территории, готовы идти из Екатеринославской губернии в Полтавскую, Самарскую, Уфимскую, даже к Ташкенту, но отнюдь не назад, не в Германию. С Востоком связано представление о богатой природе, безлюдьи и просторе, а земельная теснота на Западе или памятна нынешним поселенцам, или знакома им со слов отцов. Но если они не пойдут назад, то не станут ли нам опасны в случае вторжения германских войск в пределы России? На это можно ответить двояко. Если, оставшись здесь, они будут урезываться в своих правах, терпеть невыгоды от излишней подозрительности и придирчивости русских людей, то встретят германских немцев, как добрых земляков. Если же колонисты сохраняют права, которыми пользуются доселе, то приростут к своему второму отечеству так, как они прирастают к северной Америке. Общий язык не мешал англичанам и американцам вести правовые

войны; общий язык не мешал австрийским немцам ожесточенно сражаться с немцами германскими, и у нас немецкий язык не помешает колонистам, чувствующим себя в России привольно, грудью отстаивать каждый вершок земли от германских войск.

В основании всех нападков на немецкое землевладение лежат эгоистические интересы. Ссылка на опасности, которыми немцы угрожают нашему государственному строю и православной церкви, сетования, что крестьяне, окруженные колонистами, не имеют возможности арендовать землю, являются тем decoгum, за которым южно-русские помещики хотят скрыть свои личные расчеты. Истинное побуждение только одно: удалить немцев, которые, как сельские хозяева, являются неприятными, а иногда и опасными конкуррентами. Нанимая рабочих, немец платит и может платить им дороже, нежели русские помещики. Колонисты встают в 4 часа утра, идутьна сенокос или поля и сами работают косою

-111-

вперединаемных косцов. Немудрено, если их труд более производителен, нежели у соседних помещиков, и если они могут платить рабочим дороже, нежели последние. Для больших хозяйств повышение заработной платы немцами может составить ежегодно несколько тысяч рублей, а потому помещики, сами ведущие хозяйство, насколько они руководствуются личными расчетами при оценке важных вопросов общественной жизни, относятся недоброжелательно к немцам-колонистам. Кто не ведет своего хозяйства и сдает землю в аренду или предполагает продать имение, тот считает немцев желанными соседями. Но первая группа привлекает на свою сторону и некоторых членов второй, утверждая с достаточным основанием, что если и будут приняты меры против дальнейшего роста немецкого землевладения, то через 2—3 года пробел будет пополнен, и продажные и наемные цены земли, временно поколебавшиеся, снова начнут возрастать. Екатеринославская губерния представляет и для сельского хозяйства, и для горного дела, и (в виду изобилия каменного угля) для разных отраслей обрабатывающей промышленности так много привлекательного, что её земля не будет пустовать. Вот соображения, которые руководят противниками немецкого землевладения на нашем юге.

IV.

Русское правительство может извлечь для себя поучительное указание и из истории немецких колоний въ России, и изъ ихъ современнаго положения. История выясняетъ причины, вследствие которыхъ колонисты достигли довольно высокаго благосостояния. Этими причинами служили и крупный земельный надел, и значительные льготы от разных финансовых тягостей, и широко развитое самоуправление, стоявшее вне вмешательства административной власти. Если бы русские крестьяне получили такие же условия общественной жизни, то они представляли бы нам зрелище, резко отличное от того, которое наблюдал каждый, знакомый с русскою деревней. Упущено много времени. Но, говоря словами Св. Писания, «блаженны пришедшие и въ девятый часъ». Если теперь правительство в своих заботах о крестьянстве будет держаться теъ начал, которые руководили ими при устройении колонистов,—крупный земельный надел, незначительные податные тягости и широкое свободное самоуправление,—то через два-три десятилетия русские крестьяне будут иметь гораздо меньше оснований с завистью смотреть на колонистов. Напомним еще раз то, о чем мы говорили неоднократно, что Россия богата землею, что в ней найдется место для всех племен, входящихъ в её состав; реформы же двух последних разрядов требуют только того гуманного и истинно государственного направления в политике, которое знакомо русскому законодательству 60 годов.

С тем вместе мы охотно высказываемся за приобщение немцевъ-

-112-

колосистов к русской цивилизации. Сохранив многие черты своей народности, колонисты являются в умственном отношении мало развитыми. Для них не существует Гёте и Шиллера; они стоят вне влияния лучших сторон германской культуры. В этом отношении они представляют лист белой бумаги, на котором русская школа и русская литература могут оставить неизгладимые следы. Русский язык уже изучается в школах немецких колоний. Народная школа, сложившаяся благодаря трудам нашего земства, стоит выше колонистской школы. Поэтому изучение в школах колоний русского языка, развитие среди колонистов привычки к чтению, открытие им доступа к Пушкину,

Гоголю, Крылову, Тургеневу—приобщат колопистов к лучшему достоянию, которое мы унаследовали от предков.

А. Исаев.